

10 ДЕК 1948

Воспоминания о Станиславском

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ книга вышла в издании Всероссийского театрального общества. Это воспоминания об одном из самых выдающихся деятелей русского театра.

Замечательны в книге прежде всего мысли самого Станиславского, о которых мы узнаем из писем к жене М. П. Лилиной. Из них особое внимание вызывают те строки Станиславского, в которых он пишет о смерти Чехова: «Беспрестанно преследует одна мысль — это Чехов. Я не думал, что так привязан к нему, и что это будет для меня такая брешь в жизни». Это не было только скорбью друга. Станиславский понимал, кого в лице Чехова потерял Художественный театр. «Авторитет Чехова охранял театр от многого», — пишет он Лилиной. Охранял от вторжения малохудожественной драматургии, от проникновения мешанских дум о своей славе, успехах, от всего личного и мелкого. Так переживал когда-то и Щепкин смерть Гоголя. В этой крепкой и неразрывной связи театра с драматургией — особенность всего русского театрального искусства.

Есть мнение, что «старик» Малого театра враждебно встретили появ-

ление Станиславского в искусстве. Это неверно. Он был «обласкан» старейшей актрисой Малого театра Медведевой, которая, как пишет Станиславский жене, говорила, «что мое имя должно быть в истории, она давно твердит это в Малом театре. Ленский ее поддерживает». Это упоминание Станиславского протягивает нить между всем передовым в Малом театре и всем тем новым, что принес Станиславский в искусство сцены. Это новое строилось на общей земле русского сценического реализма, хотя многое пришлось сломать и разбить Станиславскому, чтобы этот источник живой воды снова стал чистым и прозрачным.

Из воспоминаний о Станиславском самыми интересными в книге оказались главы, написанные Л. Гуревич — многолетней помощницей Станиславского в разработке его системы и автором многих статей о нем. Ей удалось восстановить облик гения русского театра во всем его своеобразии, в удивительном сочетании мудрости и простоты, пылкости и упорства исследователя и свежести, непосредственности его восприятий. Когда он смотрел «Турандот» в студии Вахтангова, то «подался всем корпусом вперед, и глаза его не отрывались от сцены. Непосредственный восторгом сияло его лицо, рот был полуоткрыт, как у захваченного

чем-то неожиданным ребенком». О таких зрителях мечтают театры, но чтобы ими быть, надо так же любить театр, как любил его Станиславский.

Интересно рассказано об одном из посещений Станиславским спектаклей так называемого Суворинского театра в Петербурге, на сцене которого в «ходком» репертуаре премьерши и премьеры труппы демонстрировали свое искусство:

«Через минуту Станиславский тихонько застонал, как от зубной боли. «О-ох!... Вот, они, негодяи — «премьеры!»». Он уже с трудом удерживал себя на месте, и на лице его выражались отвращение и тоска».

Подробно рассказывает автор воспоминаний о том, с какой жадностью поглощал Станиславский все, что мог найти в области научной литературы о театре всех времен и народов, правильно подчеркивая, что в разработке своей системы он все же в основном шел «из своей практики, из наблюдений жизни». Именно эта жизненность системы, ее связь не с книгами, а с опытом и практикой и делает ее такой необходимой и важной в работе педагогов, во всем нашем сценическом воспитании.

Воспоминания Л. Гуревич заканчиваются 1914 годом, когда вспыхнувшая война застала Станиславского в Германии. Немецкая военщина стала издеваться над своими случайными пленниками. На вопрос одного из наглых немецких офицеров, обращенный к Станиславскому: «— Из какой страны?», он, «стоя во весь рост, твер-

до отвечал с неподражаемым спокойствием и величием в осанке:

— Из России».

О том, как любил он свою страну, как гордился ее искусством, как радостно, с «легкой душой» принял Октябрьскую революцию, рассказывают и другие участники сборника.

С необычайной остротой воспринимал Станиславский явления, которые свидетельствовали о том, что не все так же готовы принести все в жертву любимому делу, как он. Вот почему, по свидетельству М. Андреевой, из-за ссоры двух актрис во время приготовления к открытию театра Станиславский мог, «сядя на пустыре, за сараем», «вытирать слезы, градом катившиеся по лицу», и повторять с горечью:

«— Из-за своих личных дел!.. Губить настоящее, общее, хорошее дело, все портить!».

Ссора была пустяковая, слезы были напрасными, ничего не было загублено, но мы запомним эти катившиеся по лицу Станиславского слезы отчаяния при одной мысли о мелких чувствах, вредящих общему делу и владеющих подчас душами тех, кто должен строить не только новый театр, но и новое отношение к искусству.

О том, как Станиславский мог «бледнеть» от негодования во время, казалось бы, самых «мирных» и «тихих» занятий с учениками и артистами МХТ, рассказывает В. Топорков, который на вопрос Станиславского — на что он играет в «Мертвых душах» с Ноздревым в шашки — ответил: «Не знаю».

«Константин Сергеевич, буквально

поблдевав от этого ответа, сказал: «Как же вы собираетесь в шашки играть, и хотите играть остро, напряженно, когда вы даже не знаете, на что вы играете?».

Этот эпизод прекрасно рисует то, чем была для Станиславского его система, как много своей жизни, здоровья, души вложил он в нее, как эта техника поведения актера на сцене была одновременно для него поэзией всего его артистического существования.

Обширен материал книги. Здесь и семейные воспоминания З. Соколовой, А. Штеккер и В. Алексеева; и свидетельства участников «Общества искусства и литературы» Н. Попова, М. Андреевой, Я. Гремиславского, И. Титова; и рассказ критика В. Блюма о том, как много значили для молодежи открытие МХТ и встречи с его руководителями и артистами; и воспоминания деятелей Художественного театра, и рассказы С. Попова, В. Веригиной, С. Глацинтовой, С. Бирман и Б. Сушкевича о студиях МХТ; и «показания» Б. Хайкина, Г. Кристи и других о работе Станиславского в оперном театре; и воспоминания Н. Смирновой и Е. Семяновской о встречах с ним; и, наконец, рассказы людей, лечивших его, о последних годах его жизни. Вся жизнь — от детства до просветленной старости. Да и была ли эта старость? Воспоминания о нем говорят о другом — о неувядающей молодости его души, о непрекращающемся цветении его мысли, о том, что он жил в молодой советской стране, как один из самых молодых и верных ее сынов.

М. Чарский.